

Сормовскія письма.

— Дайте намъ сцену на такое-то число.

— Что играть думаете?

— „Дѣтей Ванюшина“.

— О... это нельзя... вещь обстановочная...

И кромѣ того... *нашего* репертуара,—объясняетъ „членъ“ театральнаго Общества, когда обращается къ нему кто-либо изъ „нашего“ кружка съ просьбой „уступить“ сцену.

— Тогда мы поставимъ „Власть тьмы“... Пьеса—бытовая... Ее мы сыграемъ.

— Мало-ли что вы сыграете, да играть-то вамъ нельзя... Мы сами ее... на будущій годъ поставимъ... Ова *нашего* репертуара!..

— Нельзя-ли „Чужихъ“ или „Лишеннаго правъ“? Наконецъ, „Мѣщанъ“ Горькаго?

— Ставить „Мѣщанъ“ нельзя ни въ какомъ случаѣ... вы далеко заѣхали... Что же касается другихъ пьесъ, то всѣ онѣ—*нашего* репертуара и играть вамъ ихъ нельзя!

— Тогда что-же играть?

— Все, что нужно, вамъ сказано—чего жъ вамъ больше?!—начальническимъ тономъ заканчиваетъ бесѣду театральнѣйшій „дѣятель“.

„Проситель“, конечно, испаряется, задумываясь надъ вопросомъ:

— Почему это членъ театральнаго Общества, одна изъ задачъ котораго заключаются въ развитіи театральнаго дѣла, такъ „содѣйствуетъ“ устройству спектаклей? Нѣтъ-ли тутъ какой-либо побочной причины, не имѣющей ничего общаго съ театромъ, съ драматическимъ искусствомъ?

На послѣдній вопросъ наводитъ на примѣръ отвѣтъ члена театральнаго Общества на просьбу „нашего“ кружка о разрѣшеніи устройства бесплатныхъ спектаклей для учащихся.

— Я... я не знаю, что вамъ сказать,—замаялся онъ,—отвѣтъ вамъ дать не могу...

И отвѣта не послѣдовало, хотя расхodoвъ большихъ эти спектакли и не вызвали бы, такъ какъ режиссеръ г. Рокотовъ предлагалъ свои услуги безвозмездно; найденъ былъ и бесплатный парикмахеръ.

Такъ, дѣти и остались безъ развлеченій, имѣющихъ большое воспитательное значеніе.

Н. Кочевникъ.